

снова сопереживая ее мучительный и героический путь сквозь века и пытаясь разгадать ее будущее.

Стихи Блока о России проникнуты предощущением близящихся социальных потрясений: «Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждет, — писал он. — Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной». С особенной остротой и драматизмом это предощущение выразилось в стихотворном цикле «На поле Куликовом». В Куликовской битве поэт увидел «начало высоких и мятежных дней», и исторический путь России предстал перед ним как вечный бой, как стремительный полет в будущее:

И вечный бой! Покой
нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная
кобылица
И мнет ковыль...
И нет конца! Мельнают
версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!
Закат в крови!
Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покой нет! Степная
кобылица
Несется вскачь!

Бросается в глаза, что в стихах этого цикла сама битва не изображается. Сначала Куликово поле предстает накануне боя. Два лагеря. Зловещий орлиный взлет над станом мамоевой орды, и тишина — над русским станом. А за этим следуют картины поля, которые воскрешают память об исторической битве как предвестие новых сражений. И заключительные слова: «Доспех тяжел, как перед боем. Теперь твой час настал. — Молчи!» — поэт обращает к своему современнику и к самому себе.

В годы реакции, наступившей после подавления революции 1905 года, Блок пришел к мысли, что между интеллигенцией и народом существует разрыв, грозящий гибелью культуре. Эта мысль развивалась им в ряде статей, вплоть до статьи «Интеллигенция и революция», написанной уже после Октября.

Какое содержание вкладывал поэт в слова «народ» и «интеллигенция»? Сказать об этом трудно, потому что по этому вопросу существуют разные мнения и до сих пор еще идут споры.

Народ у Блока — это сама Россия, это воплощение ее величайших возможностей. Он не является для поэта некой абстрактной, вневременной категорией. Образ народа проходит через всю его поэзию, знаменуя «медленное пробуждение великана». Он выступает в виде массы обездоленных, поднимающихся «из тьмы погребов»; то в виде кого-то в сером армяке, уверенно ведущего вперед «барку жизни»; то в виде рабочих, готовых противопоставить жирному фабриканту свое единство и решимость; то в виде пахаря, в свежих росах идущего за тяжелым плугом; то, наконец, в виде революционного патруля, решительно шагающего по ночным петроградским улицам. Поэт уверен, что в народной массе заключена огромная стихийная творческая энергия — то музыкальное начало, которое он считал основой человеческой культуры. В общем, народ для него — это все живые силы России, все лучшее, что в ней есть!

Народ — венец
земного цвет-
Краса и радость
всем цветам...

А интеллигенция? Отношение Блока к ней всегда было дифференцированным. Еще в 1908 году поэт говорил о пропасти, о недоступной черте между народом и частью (подчеркнуто мной. — М. К.) интеллигенции. И если он отмечал тогда, что эта часть все возрастает, то был прав: так оно и было в то время, когда многие интеллигенты отвернулись от

революции и народа, испугавшись «Грядущего Хама». Именно их индивидуализм, эстетизм, скептицизм и принципиальный антидемократизм с негодованием отвергал Блок, оказавшийся в это мрачное десятилетие в рядах тех, кто спас честь и достоинство русского интеллигента.

Если в 1908 году он признавался, что не знает, каким путем решить вопрос о сближении интеллигенции с народом, то после Октября путь стал для него ясен: всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушать Революцию, работать — с большевиками. Тех же интеллигентов, которые не вняли велению времени, которые замкнулись в своем индивидуализме и эстетизме, оказались в лагере врагов революции, ушли во внутреннюю или во внешнюю эмиграцию, Блок с негодованием заклеймил как предателей, трусов, «прихлебателей буржуазной сволочи». В то же самое время поэт напоминает русской интеллигенции, что она всегда была революционна. Более того: декреты большевиков о земле и о мире — это ее символы. Так деятельность большевиков, которую Блок считал выражением народной стихии, связывается в его сознании с деятельностью многих поколений передовой русской интеллигенции — с деятельностью великих русских писателей, мыслителей и революционеров.

Все, что сделано этими людьми, сама их жизнь, их идеалы входят в ту «концепцию живой, могучей и юной России», которая, как писал Блок, «нам завещана в фрагментах русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого, во вздохах измученных русских общественных деятелей XIX века, в светлых и неподкупных, лишь временно помутившихся взорах русских мужиков».

Мысли Блока о России в своеобразной форме отразили идейные и нравственные искания и обретения предшествовавшей русской литературы, от Посошкова и Радищева до Толстого и Горького, причем особое и еще недостаточно оцененное нашим литературоведением место здесь принадлежит революционному демократу. Вспомним хотя бы известные слова Блока о том, что его поколение горит тем же «огнем бескорыстной любви и бескорыстного гнева», которым горели «в сороковых годах — Герцен и Белинский, в пятидесятых — Чернышевский и Добролюбов». Вдумаясь в его записки 1908 года, в которых он говорит о своей мечте создать журнал с традициями добролюбовского «Современника» и, раздумывая над словами Нехлюдова, то подлинный «большой свет» — это трудовой народ, дважды поминаный статьей Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы».

Знаменательно, что, стремясь слиться с душой народа, душа поэта черпала силы из добролюбовского понимания народности. «Человек есть будущее», — утверждал Блок. И Россия была для него не только настоящим и прошлым, но и великим грядущим.

Живая, могучая и юная Россия виделась Блоку в свете великой народной революции, которая призвана коренным образом обновить все сферы человеческой жизни. «И если где такая Россия «мужает», — писал он, — то, уж конечно, — только в сердце русской революции в самом широком смысле, включая сюда русскую литературу, науку и философию, молодого мужика, сдержанно раздумывающего о душе «все об одном», и юного революционера с сияющим правдой лицом, и все вообще непокладливое, сдержанное, грозное, пресыщенное электричеством».

Всю свою поэтическую жизнь Блок предощущал, предвещал и призывал революцию, а когда она свершилась и победила, восторженно приветствовал ее. В его творчестве с огромной эмоциональной силой отразился ускоренный ход истории, нервный пульс периода трех революций. Это сообщило необычную энергию его стику, определило его символический смысл. Можно сказать, что в конечном счете образ России выступает в поэзии Блока как символ Революции.

Блоковское понимание России и ее роли в судьбах человечества органически связано с его представлением о мировом историческом процессе. Это было чисто художественное, поэтическое представление, выразившееся в чрезвычайно многогранных, исполненных множественного смысла символических понятиях. Важнейшие из них — «музыка», «культура», «цивилизация». «Музыка» — это движущее начало жизни, выступающее то в виде неукротимой стихии, то в виде организующей воли, стремящейся к цели и гармонии. «Культура» — это воплощение духа музыки. А «цивилизация», считал Блок, — это нечто противостоящее культуре, это застывшие, потерявшие цельность и музыкальность формы жизни. Утрачивая дух музыки, «культура» перерождается в «цивилизацию». Такая участь постигла великую культуру античности. Так гибнет двухтысячелетняя европейская культура, достигшая своего расцвета в эпоху Возрождения. Утрачив дух музыки, она превратилась в цивилизацию с ее косностью, индивидуализмом, бюрократизацией, раздробленностью жизни, с тяжелым, безрадостным трудом, с торжеством буржуазной сытости, с утратой критериев добра и зла, утратой воли к жизни. Ру-

шится и святая святых европейской культуры — ее гуманизм. И вот возрождение музыкального начала мировой жизни Блок увидел в русской революции, которая возвестила новую эру — эру гибели старой цивилизации, государственности и религии, эру рождения нового общества, новой культуры, нового гуманизма.

Можно сказать, что созданная поэтическим воображением Блока картина исторического процесса имела явно романтический, идеалистический характер. Но сказать только это — значит умолчать о главном: о ненависти Блока к буржуазному миропорядку, о его вере в народ, о его революционности.

В сложной, многозначной, не до конца понятной, но предельно эмоциональной и впечатляющей символике Блока нашли выражение острейшие противоречия XX века. И поэтому, несмотря на романтический характер, блоковское ощущение и понимание истории дало плодотворные импульсы его поэзии, что наиболее ярко и выразительно, на мой взгляд, проявилось в третьей книге его стихов. Блестящий взлет политической, гражданской лирики в «Ямбах», где поэт торжественно заявил о своей вере, что «новый век взойдет», и дал свои заветы юношам и девам: «Презренье созревает гневом, а зрелость гнева — есть мятеж». Изумительны по своей музыкальности и эмоциональному накалу «Итальянские стихи» с их потрясающей душу контрастами величия ушедшей в века культуры и ничтожеством современной «торговой толчеи».

Движение самой истории нашло прямое воплощение в незавершенной поэме Блока «Возмездие», полной, как он сам говорил, революционных предчувствий. В чеканных пушкинских ямбах поэмы перед нами встанут «век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век» и двадцатый век, сулящий «неслыханные перемены, невиданные мятежи». И лейтмотивом проходит через нее тема возмездия — от возмездия истории к возмездию личности. В конце поэмы пробудившаяся к новой жизни личность должна была ухватиться «за колесо, движущее человеческую историю». Но были написаны еще только две главы поэмы, когда за колесо истории ухватились миллионы рук.

Величайший взлет народного духа и народного гнева стал содержанием знаменитой поэмы «Двенадцать», где во весь голос зазвучала музыка революции, где взметнувшаяся народная стихия устремилась в будущее.

Противоречиво было отношение Блока к разбушевавшейся народной стихии. Он принимал ее и оправдывал, видя в ней взрыв веками накопленного справедливого гнева и залог того, что революция не остановится на полпути, а в корне преобразит современное общество. Но он воспевал величие стихии, а не стихийность. Его влекло к преобразению стихийного безначалия хаоса в устроенную гармонию космоса. В этом он видел задачу русской культуры: «буйство Стеньки и Емельки превратить в волевою музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напора огня, но организуют этот напор; организовать буйную волю». Вот эта «волевая музыкальная волна» и составляет лейтмотив поэмы «Двенадцать». Она упорно пробивается сквозь пеструю многоголосицу перепуганных обывателей и разгулявшейся толпы. Она воплощается то в репликах красногвардейского патруля, то в лозунгах того времени, то в строках, которые вскоре после своего появления сами стали лозунгами. Все четче становится поступь «двенадцати», и в конце поэмы она звучит уже как державный шаг революционного

народа, осознающего себя властелином.

Наиболее решительное выражение народного порыва Блок видел в деятельности большевиков. Высказывания поэта о большевиках, о Ленине постоянно приводятся в монографиях и статьях, посвященных его жизни и творчеству. Однако эти высказывания еще далеко не до конца осмыслены, не поставлены в связь с основными проблемами его творчества, со всей его деятельностью послереволюционных лет. Блок оказался сторонником взятия власти большевиками еще до октябрьского переворота. Его запись в дневнике 19 октября 1917 года о том, что «один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране», что Ленин — сторонник выступления не с отчаяния, а «с предвидением доброго», не оставляет сомнений, на чьей стороне было сочувствие поэта.

В общем, можно с уверенностью сказать, что все важнейшие решения ЦК большевистской партии Блок принимал с полной убежденностью в их справедливости и необходимости. «Переворот 25 октября, крах Учредительного собрания и Брестский мир, — вспоминает М. А. Бекетова, — Ал. Ал. встретил радостно, с новой верой в очистительную силу революции». К этому перечню надо добавлять и речь Ленина «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого», которую поэт назвал «замечательной».

И еще одна великая идея марксистов, большевиков была близка и дорога сердцу поэта — идея интернационализма. Певец России, сумевший с необычайной тонкостью и выразительностью передать все оттенки великого чувства любви к своей Родине, Блок никогда не отделял ее судьбы от судьбы всего человечества. «...Именно любовь к России клонит меня к интернациональной точке зрения», — писал он матери. «Ненавидеть интернационализм — не знать и не чутя силы национальной», — читаем мы в его дневнике. И в свете Октябрьской революции перед ним встал образ новой России, которая «заразила уже здоровьем человечество». Идея интернационализма, пусть по-особому выраженная, с необычайной силой прозвучала в «Скифах», которые явились и гневной отповедью буржуазному Западу, стремившемуся потушить пламя русской революции, и страстным призывом к миру и братству народов:

В последний раз —
опомнись, старый мир!
На братский пир труда
и мира,

В последний раз —
на светлый, братский пир
Сзывает варварская лира!

Говоря об отношении Блока к большевикам, хотелось бы обратить внимание на то, что если до Октября поэт воспринимал большевизм прежде всего как выражение стихийной народной силы, то после Октября он все яснее начинает различать организующую, созидательную его сущность. «Вот что я еще понял, — записывает он 18 января 1918 года, — эту рабочую сторону большевизма, которая за летучей, за крылатой. Тут-то и нужна их (интеллигентов, специалистов. — М. К.) помощь. Крылья у народа есть, а в ушах и знаях надо ему помочь». Внедрить в сознание масс новое отношение к труду — такова была одна из основных задач большевиков, одно из решающих условий построения нового общества.

После Октября творческая и общественная деятельность поэта была, как никогда, активной и плодотворной. К этому времени относятся его вершинные созда-

(Окончание на 22-й стр.)